

ДВЕ СУДЬБЫ

Счастье

НА ОСКОЛКАХ
НАДЕЖДЫ

АННА КОВАЛЕВА

18+

Анна Ковалева

**Две Судьбы. Счастье
на осколках надежды**

«Автор»

2026

Ковалева А.

Две Судьбы. Счастье на осколках надежды / А. Ковалева —
«Автор», 2026

— Мам, я вернулся! Войдя в дом, я замер, натолкнувшись на взгляд синеглазой незнакомки. А она побледнела как полотно и начала жадно рассматривать мое лицо.— Володя? — выдохнула пораженно, а потом сорвалась с места, обняла за шею и начала зацеловывать мои глаза, щеки, губы— Володенька, Вова, милый мой, родной Господи, ты живой, живой! Ошарашенный мозг завис, пытаюсь понять, что происходит и почему меня целует незнакомая девушка. Но выяснить я ничего не успел. Потому что она внезапно обмякла, потеряв сознание, и упала прямо мне в руки.*** Два человека, два бойца, два имени. И одна ошибка, которая навсегда изменила людские судьбы. От автора: ОСТРО! ЭМОЦИОНАЛЬНО! БОЛЬНО!

© Ковалева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анна Ковалева

Две Судьбы. Счастье на осколках надежды

Глава 1

Анастасия Ларионцева. 31 год
Март.
Санкт-Петербург

Обещает быть весна долгой
Ждёт отборного зерна пашня
И живу я на земле доброй
За себя и за того парня

Я от тяжести такой горблюсь
Но иначе жить нельзя, если
Всё зовёт меня его голос
Всё звучит во мне его песня...

А степная трава пахнет горечью
Молодые ветра зелены
Просыпаемся мы, и грохочет над полночью
То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны

Роберт Рождественский

— Вы это серьезно сейчас говорите, товарищ генерал? Просто так вышло? Случайная ошибка? — я стиснула челюсти так крепко, что услышала, как скрежещет эмаль от трения зубов друг о друга.

Но мне плевать было на состояние своих зубов.

Мне в данный момент плевать было на всё и всех, кроме мужа, которого я искала последние два с половиной года.

Надежду на встречу с Володей я не теряла до последнего.

Несмотря на электронную похоронку из военного комиссариата, полученную в ноябре, на письменные отчеты о его гибели от командира части и роты, где служил Вова, на то, что мне передали все его личные вещи.

Несмотря на всё это, я верила в то, что муж жив. Просто потому, что я не видела его тела. Не опознала лично, не оплакала, не кинула горсть земли на гроб.

А без этого поверить в его смерть я не могла.

Я посылала многочисленные запросы, обивала пороги моргов, брала образцы слюны у сына для теста ДНК, чтобы было с чем сравнить возможные останки.

Но ничего. Нулевой результат из всех этих попыток. Тело Володи не было найдено.

Я допытывалась, пыталась понять, куда могло деться тело, раз все были так уверены, что Вовка действительно погиб.

В ответ мне говорили ужасные вещи, что там вся группа, ушедшая на разведку, подорвалась на mine. Что тело мужа могло просто превратиться в прах или мелкие фрагменты, которые для отправки грузом двести просто непригодны.

Но для меня эти слова не были приговором. Не зря же говорят, что надежда умирает последней.

Вот и я, не видя тела мужа, надеялась, что он жив. Может, лежит где-то в госпитале с амнезией или в плену.

Раненый, покалеченный, но живой.

Поэтому продолжала жить и искать. И надеяться, что однажды Вовка вернется домой, поцелует меня и подкинет под потолок сына.

И мы забудем всё пережитое как страшный сон.

Этими надеждами я жила два с лишним года.

Но три месяца назад военный конфликт, наконец, закончился. Все пленные солдаты и офицеры вернулись домой. К своим родным и близким.

А Вова так и не вернулся. Так и остался где-то между мирами. Официально признанный погибшим, но не похороненный, не отпетый и не упокоенный.

Хуже участи и быть не может.

И я не могла это оставить так, и начала снова обивать пороги.

Военный комиссариат, МВД, Следственный Комитет, военная прокуратура. Обращалась всюду, куда только могла.

Но ничего так и не узнала.

Почти совсем отчаявшись, решила попросить помощи у жены нашего нового мэра, так уж получилось, что судьба нас свела несколько лет назад.

Я помогла ее дочери восстановиться после травмы и вернуться в большой спорт, а она сказала, что в случае чего поможет, чем сможет.

И вот настала пора просить о помощи. Я позвонила Инессе Станиславовне и всё рассказала. Она расчувствовалась, даже расплакалась в конце моего рассказа и охотно взялась мне помочь.

После подключения к делу лиц, облеченных властью, машина для поиска раскрутила свои маховики.

Спустя два месяца после того разговора меня пригласили на прием к мэру.

И в его кабинете приехавший из Москвы генерал Мельников, наконец, открыл мне жуткую правду.

Мой муж, Владимир Ларионцев, действительно погиб два с половиной года назад, тело его было сильно изуродовано взрывом и опознать визуально было невозможно.

Только по ДНК.

И вот тут было самое жуткое. Результаты ДНК-теста просто перепутали, потому что кто-то неправильно оформил образцы в базе данных, и тело моего мужа в цинковом гробу отдали на захоронение другой семье.

— Как давно это произошло? Когда похоронили моего мужа? — спрашиваю почти мертвым голосом. А генерал отводит взгляд в сторону и нехотя признается.

— Груз двести был отправлен в Липецк два года назад, в начале марта.

Я прикрываю глаза и сжимаю ладони в кулаки. Сразу становится больно дышать и начинает болезненно дергаться сердце.

Два года, Господи... Вовка уже два года похоронен, в чужом городе, в чужой могиле, под чужой фамилией.

Все это время он лежал в сырой земле, а я надеялась на чудо и молилась о его возвращении.

Как же это жестоко. И по отношению ко мне, и к той семье, которая похоронила чужого человека как родную кровиночку.

— Настенька, тебе плохо? Вот держи. Там успокаивающие капли, должны помочь.

— Спасибо, — дрожащими руками принимаю бокал из рук Инессы и выпиваю воду почти залпом.

Но это помогает мало. Внутри меня все клокочет, а сердце рвется от боли, обиды, проклятой несправедливости и холодного казенного равнодушия.

Я не вижу в глазах этого высокопоставленного офицера сочувствия и сожаления о сложившейся ситуации. Лишь холодную отстраненность и раздражение.

Да, товарищу генералу явно не нравится сидеть здесь и объясняться перед какой-то вдовой.

Он бы с радостью похоронил эту «ошибку», да не вышло из-за вмешательства мэра Решетникова.

Я отчетливо понимаю, что только чудом узнала правду. Поэтому не могу сдержаться от выпада.

Поднимаю голову, смотрю прямо в глаза генералу Мельникову и выпаливаю, горя праведным негодованием.

— Мой муж не случайная ошибка. Как и тот боец, под чьим именем его закопали. Они оба, как и тысячи других, проливали кровь на благо страны, и вот такое отношение по итогу? Вам, получается, всё равно, где хоронить героев?

— Анастасия Максимовна, — пророкотал Мельников. — Я вашему горю очень сочувствую, но выбирайте выражения, пожалуйста. Мы все уважаем наших бойцов и чтим их память. Но война есть война, как говорится. На ней всякое бывает, в том числе и безумная путаница, и человеческие ошибки. Те месяцы были самыми тяжелыми, морги были переполнены, транспортировали тела, куда была возможность. В ЦОП попадают разными путями, и то далеко не все. Не только бойцам было тяжело, но и врачам, санитарам, медсестрам. И тем, кто выполнял самые скорбные обязанности — по оформлению, опознанию и отправке тел. Да, случился человеческий фактор. По усталости и невнимательности перепутаны имена вашего мужа и другого бойца. За это я готов от лица министерства принести самые искренние извинения. Но всё же это была случайность, а не злой умысел. Вот, сами посмотрите. Мудрено ли было ошибиться, вбивая данные? Почти идентичные данные, разница всего в две буквы в инициалах.

Генерал вытаскивает из папки лист А4 и протягивает мне. А я тупо пялюсь на две колонки цифр и два действительно очень похожих имени.

Ларионов. В.И. — Ларионов Виктор Игоревич

Ларионцев В.И. — Ларионцев Владимир Иванович

Два человека, два бойца, два имени. Две судьбы, которые так трагически переплелись, что теперь непонятно как распутывать.

Дорогие мои, приглашаю вас в эмоционально непростую историю.

Этот сюжет родился не просто так, он основан на рассказах родных, потерявших своих близких в ходе вооруженных конфликтов.

Он вдохновлен прекрасными книгами Бориса Васильева и Уильяма Сарояна.

Но в целом это история выдуманная, созданная на вдохновении воображением автора.

Любые совпадения с реально жившими или живущими людьми и событиями случайны.

Автор не ставит целью обвинить кого-то в своей истории, война — это война, в ее ходе случается всякое.

И этот роман сам по себе не о войне. Он не привязан к конкретному вооружённому конфликту.

Этот роман ВНЕ ВРЕМЕНИ.

ОН о том, что остается вечным во все времена, будь то война 1812 года, русско-турецкие войны, ВОВ или Афган с Чечней: о неизбывном горе матерей и слезах жен.

О поломанных судьбах, и жизни, которая продолжается вопреки всему. О том, что остаются те, кто живет и хранит память о павших...

Глава 2

**Две тысячи лет война
Война без особых причин
Война — дело молодых
Лекарство против морщин**

**Красная-красная кровь
Через час уже просто земля
Через два — на ней цветы и трава
Через три — она снова жива
И согрета лучами
Звезды по имени Солнце**

**И мы знаем, что так было всегда
Что судьбою больше любим
Кто живёт по законам другим
И кому умирать молодым**

Виктор Цой

Настя

— Да вы с ума сошли! — вот что сказал генерал на мое заявление о том, что я хочу встретиться с родными того бойца, под чьим именем похоронен муж. — Зачем вам это надо? Два года прошло. Семья памятник уже поставила, начала оправляться от горя. А вы хотите приехать и все взбаламутить. Лишить их покоя? Или, может, вы собираетесь выкопать гроб?

— Для начала я хочу с ними просто поговорить. Семья имеет право знать, что похоронила не того человека. Ведь если они похоронили моего мужа, значит, где-то лежит тело их сына, которое нуждается в захоронении. Разве нормально это так оставлять?

— А нормально лезть в чужую семью и травить им душу?

— А как же я, товарищ генерал? У меня тоже есть душа, которая болит. Я два года из-за ошибки тешила себя надеждой, что муж жив. Лелеяла мечты, которым не суждено было исполниться. У меня есть сын, которому надо объяснить, где его отец. А в итоге у нас даже нет места, куда сходить и отнести цветы. И да, куда делось второе тело? Ведь если перепутали имена, то мне должны были выдать тело Ларионова, так? Или...

— Да нет второго тела! И уже не будет. — рявкнул генерал. — В моргах давно пусто. Все останки отправлены семьям. А у кого нет семей, те были захоронены в братских могилах. Тот парень, похоже, был в эпицентре взрыва, так что от него вряд ли что-то осталось. Да, Анастасия, война — жестокая сука. И с развитием военной техники она становится всё беспощаднее и забирает всё больше жизней. Так что свои хотелки нужно задвинуть на задний план. Не всегда мы можем получить то, что хотим. Возвращайтесь домой, воспитывайте сына и забудьте об этой истории. А если так хочется отнести куда-то цветы, отнесите их к памятнику неизвестному солдату. Кстати, вы, кажется, так и не получили выплаты за гибель мужа? Уже срок истек давно, но я могу похлопотать, и вам всё положенное выплатят. В порядке исключения и ввиду нестандартной ситуации.

— Да не нужны мне ваши деньги! — вскакиваю с места и с гневом смотрю в лицо генерала.

Мое сердце бьется на разрыв, щеки полыхают от обиды и унижения, а этому мужику всё равно.

Он абсолютно хладнокровен. Идеальная машина, в котором то ли война, то ли высокий чин вытравили всё человеческое.

Почему-то вдруг вспомнились строки из романа Бориса Васильева, которым зачитывалась в юности с подачи бабушки и мамы.

«Пахнет всегда только чужая смерть, и запах ее никогда не долетает до высоких кабинетов, где решаются людские судьбы»...

Это точная иллюстрация поведения Мельникова. Он в своем министерстве точно забыл, что такое запах смерти, горе жен и матерей и слезы детей.

Превратился в живой памятник равнодушию и черствости.

Но я зашла уже слишком далеко, чтобы отступать. Поэтому собрала волю в кулак и продолжала гнуть свою линию.

— Если бы Вову признали без вести пропавшим, я бы смирилась и жила так, как вы сказали. Но тело есть, пусть и захоронено в чужой могиле! И я не могу закрыть на это глаза. Просто жить, зная, что где-то есть памятник, к которому я не могу принести цветы. Я хочу знать, где лежит мой муж. И семья второго бойца тоже имеет право знать правду. А дальше мы с ними сами разберемся, что делать.

И нет, я не считала это эгоизмом. Я считала это справедливостью. Никто не заслуживает жить в вечном обмане.

И да, я сама не хотела бы так жить.

Генерал после моих слов взбесился и посмотрел так, будто убить хотел. Но тут мне повезло во второй раз.

Потому что вмешался Решетников, который с товарищем генералом явно был хорошо знаком.

— Влад, давай выйдем поговорим.

Они действительно вышли и не возвращались довольно долго. Больше часа о чем-то разговаривали, пока я сидела, ожидая решения как приговора.

Наконец, генерал вернулся, сел за стол и положил передо мной стопку бумаг.

— Ладно, Анастасия, вы добились своего. Вы получите адрес семьи, которая захоронила тело вашего мужа. Также я предупрежу местный комиссариат, чтобы они оповестили родственников. Сами понимаете, лучше их подготовить. Но у меня есть условие. Информация о произошедшем не должна выйти за эти стены, вы это понимаете? Никаких жалоб, обращений к журналистам и блогерам. Я вам уже сказал, что на войне всякое бывает. И грязная шумиха Министерству не нужна. Это первое. А второе: разрешения на эксгумацию и перевозку тела не будет выдано в любом случае. О перезахоронении не может быть и речи. Так что всё, чего вы добьетесь — это увидите могилу, подписанную чужим именем. А семья Ларионовых не получит тело сына и брата. Так что хорошенько подумайте, надо ли вам это? Стоит ли такая малость прикладываемых усилий и последствий, которые последуют за вашим решением? Ведь вы затрагиваете интересы и рушите покой чужой семьи.

— Стоит, — ответила без раздумий. — Это того стоит.

Да, пусть я и не смогу перевезти мужа домой, в родной ему Питер, но хоть буду знать, где он лежит. И смогу, наконец, успокоиться.

И, надеюсь, семья Ларионовых меня поймет и простит... У меня просто нет другого выбора. Я не для того мучилась два года, чтобы в итоге закрыть глаза на правду.

— Что ж, — генерал недовольно поджал губы. — Тогда подпишите здесь. Это документ о неразглашении.

Естественно, я подписала. Скандалы мне тоже были не нужны.

— Спасибо вам большое, Инесса. — поблагодарила я госпожу Решетникову, когда мы вышли из здания мэрии. — Если бы не вы, то я бы...

— Не стоит благодарностей, — помотала она головой. — Настя, я обязана вам здоровьем дочери и рада, что смогла помочь. Примите мои искренние соболезнования. Мне очень жаль вашего мужа, и вдвойне жаль, что всё вышло именно так.

— Спасибо, — я кивнула и слегка улыбнулась. — Как поживает ваша Машенька?

— Замечательно, — расплылась Решетникова в улыбке. — В этом году завоевала золотую медаль. В следующем поедет на Олимпийские игры.

— Это здорово, искренне поздравлю. Если нужны будут курсы обычного массажа, записывайтесь. Только не знаю, когда я буду свободна. Мне нужно... Ну, вы понимаете...

— Прекрасно понимаю, — Инесса сжала мое плечо. — И искренне восхищаюсь тем, как вы боретесь за мужа. Искренне желаю удачи. И да, подайте документы на выплаты, срочно. Генерал всё устроит. А деньги лишними не будут. Тем более у вас сын подрастает.

— Обязательно подам. И еще раз спасибо большое. От души...

Этим же вечером, после того как уложила спать Сашку, я рассказала матери обо всем, что узнала.

Она поддерживала меня всё это время, не давала надежде угаснуть, подставляла мне плечо для слез, сидела с внуком, пока я моталась то в Ростов, то в Москву, и теперь за чашкой чая я рассказала ей то, что этим утром узнала сама.

— Боже мой, — мама выслушала меня и не смогла сдержать слез. — Как же так, какая чудовищная ситуация. Хотя в чем-то генерал и прав, война есть война. Всякое может случиться.

— Я понимаю, но не могу оставить всё как есть. Не могу сделать вид, что ничего не знаю, и спокойно жить дальше.

— То есть ты действительно хочешь поехать к семье Ларионовых?

— Да, мам. Хочу.

— Уверена, что это хорошая идея? — осторожно на меня посмотрела. — Всё-таки там тоже погиб чей-то сын, брат, отец...

— И это я понимаю, — вздохнула я. — И за того мужчину мне тоже больно, и его семью мне жаль. Но скажи мне как мать. Ты бы хотела знать, кого именно хоронишь? За чьей могилой ухаживаешь?

— Да, — мама мнетя, но все же отвечает тихо. — Я бы хотела.

— Вот и я думаю, что мама Виктора Ларионова хочет знать правду. Да, правда будет болезненной, но неведение еще хуже. Я буду осторожна, конечно, но не поехать не могу. Думаю, на майских праздниках поехать. Как раз и Радоница будет. Посидишь с Сашкой, пока меня не будет?

— Конечно, посижу, милая. Конечно, посижу.

Допив чай, мы еще немного смотрим телевизор, а потом расходимся по спальням. Оказавшись в своей комнате, разворачиваю листок бумаги и читаю:

Липецкая область, город Новотроицк, улица Карла Маркса 13.

Там живет семья Ларионовых. Мать погибшего Виктора, Елизавета Михайловна, и его старший брат Марк.

На бумаге это всего лишь буквы, сухие, скупые строчки. Но за ними скрываются чужие жизни, чужие судьбы и чужая боль.

— Простите меня, — шепчу онемевшими губами, мысленно обращаясь к незнакомым мне людям. — Простите за то, что собираюсь сделать. Но иначе и правда не могу.

Глава 3

Марк Ларионов, 35 лет

Май.

— Здорово, Марк. Как дела? Как мать?

— Здорово, Стас, — пожимаю руку другу и, по совместительству, деловому партнеру, и откидываюсь на спинку стула. — Да терпимо. На кладбище были в воскресенье, могилы прибрали перед родительским днем, оградки покрасили.

— Да, — Стас уселся в свое кресло и покачал головой. — До сих пор не верится, что Витьки больше нет. Два года, как похоронили. Черт, так быстро летит время, а в памяти он еще как живой. Будто только вчера собирался уезжать.

— А мне он и снится иногда. — я устало потер лицо и прикрыл глаза. — То живой, улыбающийся и смеющийся приходит. Шутит, говорит, что на свидание с охеренной девчонкой собрался. То снится, что... А, даже рассказывать не хочу... Каждый раз в поту просыпаюсь после этого.

— Господи...

— И непонятно, станет ли когда-нибудь легче. Особенно матери. Она так и не приняла смерть Витьки. До сих пор находится на стадии отрицания, не верит, что это он в могиле лежит. Надеется, на ошибку.

— Война закончилась, Марк. Будь Витек живым, давно бы домой вернулся. Да и вы с матерью тест ДНК сдавали.

— Вот именно сдавали, результаты подтвердили, что тело принадлежит брату. Но мать и им не верит. Чую, говорит, сердцем, что не Витюша это. Я уже психолога к ней приводил, но толка нет. Стоит на своем, и с каждым днем гаснет. Всё больше на тень становится похожей. В воскресенье после кладбища пришлось ей успокоительное давать. Сорвалась на могиле Витьки. Всё спрашивала, где же ты, сынок?

— Слушай, может, тебе ее отправить на отдых? На Черное море куда-нибудь? Чтобы отвлеклась, развеялась. Глядишь на расстоянии и принять смерть сына легче будет.

— Да предлагал я, Стас. И предлагал, и уговаривал, и ставил перед фактом, покупая билеты. Но ехать не хочет. А силой не потащишь же.

— Тяжелый случай. — друг трет подбородок. — Даже не знаю, что посоветовать. Только надеяться, что время поможет.

— Что-то мне в это уже не верится, дружище. Есть раны, которые никогда не заживут.

— Здравствуй, Марк.

— Здравствуй, Петрович. Что стряслось? Опять движок барахлит? — поинтересовался я, услышав голос полковника Федотова.

Андрей Петрович был давним другом покойного бати. При жизни отца часто у нас дома бывал, да и после его кончины за нашей семьей приглядывал. Помогал чем мог.

Он выбил мне место для срочки в элитной воинской части, он же помог Витьку с контрактом, и он же потом принес нам похоронку.

Ну и периодически пригонял в мой автосервис свою тачку на ремонт. То кузов покрасить, то с движком разобраться, то разбитую фару заменить.

— Нет, Марк. — голос Федотова был предельно серьезным. Совсем как в тот день, когда он принес нам известие о смерти Вити. — Дело не в машине. Нам нужно поговорить, срочно. Разговор не телефонный, приезжай в комиссариат. Сегодня.

Я не понял, что к чему, но решил, что разберемся по ходу дела, и просто кивнул.

— Хорошо. Если к часу подъеду, нормально будет?

— Да, самое то.

В половине первого я собрался, вышел из магазина и поехал в комиссариат, оставив все дела на Стаса.

— Ты только присматривай за Коляном, — предупредил напоследок. — Он что-то туго в дела вникает, смотри, чтобы снова недостачу не устроил.

— Да разберусь уже, езжай давай.

Честно говоря, не представлял, о чем со мной хочет поговорить Федотов. Может, кто копает под меня, намереваясь отжать бизнес.

Связи у полковника большие, мог и узнать что-то.

Но то, что в итоге рассказал Петрович, вышибло землю у меня из-под ног.

— Погоди, Петрович! — я даже потряс головой, думая, что ослышался. — Это что, шутка какая-то?

— Я тебе что, debil малолетний, таким шутить? — рыкнул, ударив кулаком по столу. — Тем более, когда дело сына погибшего друга касается.

— То есть...

— То есть передали вам для захоронения чужое тело. Произошла чудовищная ошибка. Не так заполнили базу данных, в результате перепутались тесты ДНК. Поэтому тест показал родство в 99 процентов.

— Слушай, а это точно не очередная ошибка? — нахмурился я. — Прошло два года, почему именно сейчас всплыло это?

— Вдова того бойца, чье тело вы похоронили, подняла кипиш. Искала тело мужа, дергала связи, хотела убедиться, что ее Владимир действительно мертв. Очень настойчива была, аж до высших кругов дошла. Вот и вскрылось всё.

Несколько минут я сидел молча, чувствуя себя мешком по башке огретым. Такого я никак не ожидал, вот никак.

Полностью положился на экспертизу и документы о смерти, отгоревал, проводил брата в последний путь. А теперь выясняется, что хоронил я непонятно кого.

А мать, получается, не зря так страдает. Я-то считал, что горе затмило ее разум, а, оказывается, она сердцем чувствовала, что хоронит не того.

Да как же так, мать их за ногу? Как такое могло произойти? Хочется встать и разнести кабинет в хлам, но я понимаю, что Петрович тут вообще ни при чем.

Эта чудовищная ошибка — не его вина.

Поэтому выдыхаю, стараюсь взять себя в руки и спрашиваю глухо.

— Как это возможно вообще?

— Да вот так. Множество тел, путаница, усталость персонала. Так бывает, Марк. Никто ничего плохого не хотел, просто так получилось. Ну и очень похожие инициалы. Сам посмотри.

Я хватаю листок и несколько раз перечитываю...

Ларионов. В.И. — Ларионов Виктор Игоревич.

Ларионцев В.И. — Ларионцев Владимир Иванович

— Действительно, похожи, — матерюсь и сжимаю свободную ладонь в кулак. — Так что, получается, мы похоронили этого Владимира Ларионцева?

— Да, Марк. — Федотов покачал головой. — На этот раз ошибки быть не может. Были заново взяты пробы у сына Ларионцева, сверены с базой. Вам было отправлено тело его отца.

— Пиздец, это просто пиздец, — до боли растираю лицо руками, всё еще не в силах переварить услышанное.

Сию в полной прострации, не зная, что думать и делать. А потом меня бьет под дых озарением.

— Так, Петрович, погоди. У нас нестыковка. Если бы была обычная путаница, то эта Ларионцева просто похоронила бы Витька как своего мужа. Простой обмен и никто бы ничего не узнал. Но тела она не получила, потому что ее мужа похоронили мы. Тогда где тело Вити? Где, твою дивизию, тело моего брата?

Глава 4

— Где, твою дивизию, тело моего брата?

Федотов не спешит отвечать на мой гневный вопрос. Отворачивается к окну и смотрит на улицу, явно подбирая слова.

— Мне жаль, Марк...

— Петрович, не надо красивых слов. Не тяни мне нервы, они и без того предельно натянуты. Скажи как есть. Где лежит Витя? Куда делось тело?

— Да нет тела, Марк. Нечего было транспортировать. — Федотов прикрыл глаза. — Связался я, с кем мог, по документам все прошерстили, сверили заново. Отряд, где был Витька, в самое пекло попал. В эпицентр взрыва. Сам понимаешь, что это значит...

— Ничего не осталось от ребят, да?

— О том, что осталось, лучше не говорить. Всё, что осталось, лежит в земле на месте того боя... В следующем году обещают поставить общий мемориал. Так что Витина могила теперь там. Его и остальных... Одна на всех...

Всё, что рвалось из горла — маты. Но я их усиленно сдерживал. Из уважения к павшим бойцам.

Но самое паршивое было в том, что я не представлял, как быть дальше. Как рассказать матери такое?

Выдержит ли она еще одно потрясение?

— И что теперь нам делать? — бросил резкий взгляд на Петровича. — С могилой, с телом?

— Мне прямым текстом сказали — могилу не трогать. Перезахоронение никто разрешать не будет. Всё останется как есть. Вдова приедет, поплачет немного да успокоится. Ее поиски закончились.

Ее-то закончились, а вот наши... Нам с матерью даже искать нечего. Только мемориал посещать, расположенный черт знает где.

Сперва внутри разлилась злость на незнакомую мне женщину. Что разворошила это всё... Лишила нас с матерью покоя.

А потом эмоции схлынули, и я поставил себя на ее место.

Искал бы я тело брата? Без сомнений. Добивался бы шанса увидеть его могилу, пусть и левую? Да, добивался бы.

Так что не мне осуждать несчастную вдову. Если она так отчаянно рыла носом землю, значит, очень любила своего Владимира. А это дорогого стоит.

Моя бывшая жена даже не искала бы мое тело. Выплаты бы получила и в кусты драпанула, стерва.

А наш покой... А был ли он у нас вообще? У мамы точно нет. Может, правда как раз и поможет ей поправиться.

Отвезу ее потом к мемориалу. Пусть там поплачет, отпустит Витю, наконец.

— А когда вдова этого Ларионцева сюда приедет? — осведомился, когда мозги остыли.

— Вот этого я не знаю. Как сможет, наверное. Но учитывая, что завтра родительский день, то может и сегодня нагрянуть. Так что я бы поторопился рассказать Лизе о том, что произошло. Ей лучше узнать это от тебя, чем от чужого человека. Я бы и сам поехал, но...

— Ничего, Петрович. Я сам справлюсь. Пожалуй, прямо сейчас поеду и расскажу. Не буду тянуть кота за хвост.

Всю дорогу я думал о том, как минимизировать стресс для матери. Строил диалог в голове, подбирал осторожные выражения.

Получалась какая-то ерунда, и в итоге я плюнул. Не актер ведь, так смысл репетировать речи. Буду говорить как есть и действовать по ситуации.

Обычно я заезжал домой через задние ворота, и этот день не стал исключением. Я заехал, оставил машину возле гаража и направился к заднему крыльцу.

— Мам, я вернулся, — распахнув дверь, вошел на кухню и замер, увидев женщину, сидящую за столом рядом с матерью.

Гостья склонилась над чашкой чая, но при моем появлении подняла голову и почему-то сразу изменилась в лице.

Ее нереальные синие глаза стали размером с чайное блюдце, а с лица схлынули все краски...

— Володя? — вскочив с места, бросилась ко мне и начала жадно рассматривать.

А потом и вовсе бросилась на шею и начала зацеловывать мое лицо...

— Володенька, Вова, милый мой, родной, как же так... — причитала, целуя мне глаза, щеки, губы...

А я, скажем так, зеленым девственником не был. К вниманию девушек привык, но вынужден был признать, что так на меня еще набрасывались.

Незнакомка коснулась моих губ и так страстно начала целовать, будто дышать без этого не могла. Будто пила родниковую воду и никак не могла напиться.

Ошарашенный мозг завис, пытаюсь понять, что происходит.

Зато тело из ступора вышло почти сразу, руки сами взметнулись вверх, сжимая тонкую талию.

И на поцелуй я ответил машинально, начав ласкать нежные розовые губы, так жадно прильнувшие к моему рту...

И меня моментально вынесло. Кровь ударила в голову, стоило распробовать эту мягкость и ванильную сладость.

Я тут же перехватил инициативу, разомкнув языком коралловые губки и углубив поцелуй до неприличного...

На несколько мгновений я забыл обо всем на свете: о том, кто я, где нахожусь и кого целую.

И даже шокированный взгляд мамы, наблюдающей за этой картиной, не смог отрезвить.

— Володя... Володенька мой... Ты живой... — незнакомка, прервав этот безумный поцелуй, одарила меня поплывшим, неменяемым взглядом.

А потом закатила глаза и потеряла сознание, упав прямо мне в руки....

Глава 5

Марк

— Какого черта? — я подхватил потерявшую сознание девушку на руки и мгновенно очнулся от наваждения.

Сразу осознал, что стою на кухне собственного дома и держу на руках незнакомку, которая с какого-то перепуга набросилась на меня с поцелуями, а потом лишилась чувств.

И на эту сцену круглыми глазами смотрит моя мать.

— Ну что ты стоишь, как истукан? — неожиданно для меня мама засуетилась. — Не видишь, что ли, девушке плохо? Отнеси ее в гостиную, на диван.

Мама побежала впереди меня и убрала лишние подушки, а я осторожно опустил девушку на сиденье.

Она, похоже, была в глубоком обмороке, потому что открывать глаза и не планировала. Даже ресницы не дрожали.

— Боже, бедная девочка, настрадалась как, — заохала мама, а до меня, наконец, дошло.

— Мам, эта девушка...

— Эту девушку, Марик, зовут Настя. И она приехала рассказать мне правду. То, что я чувствовала все эти два года.

Я мысленно застонал, осознав, что опоздал. Не смог подготовить мать к шоковой новости.

— Мам. — начал осторожно, лихорадочно соображая, как успокоить мать. Но она обрвала меня на полуслове.

— Да не «мамкай» ты. Я же тебе говорила, чувствую, что не Витя там лежит. Не наш Витя! А ты не верил, думал, что я от горя умом тронулась. Я соображаю лучше тебя, сразу подмену почувяла. Материнское сердце не обманешь.

— Ну что ты такое говоришь, мам. Я не считал, что ты сошла с ума. Никогда так не думал.

— Да? — грозно сощурилась? — А к мозгоправше зачем меня три месяца подряд таскал?

— Я просто хотел, чтобы она помогла тебе принять смерть Вити.

— Чужой человек помочь в этом деле не может. Тем более такой чёрствый, как эта Валентина. Она тоже не верила моим словам. Сразу видно, что детей нет, поэтому не понимает и не чувствует. А вот Настенька, — мама бросила в сторону Ларионцевой полный теплоты взгляд, — почувствовала. Искала правду, искала мужа и не побоялась прийти с этой правдой к нам.

— Мама...

— Да что ты стоишь и мнешься? Быстро принеси из кухни вату и нашатырь. И стакан воды захвати. Надо девочку в чувства приводить.

— Да сейчас.

Я быстро метнулся в кухню, принес воду и нашатырь, а мама взяла и выпроводила меня из комнаты.

— Побудь пока на кухне. А то Настя очень странно на тебя среагировала. Так что лучше выйди, чтобы не стрессировать ее лишней раз. Дай мне привести ее в чувства и нормально поговорить. Если что-то понадобится, я позову. Всё, Марик, на выход...

Вот так меня и выпроводили из собственной гостиной. Впрочем, я не злился, понимал, что я там и правда лишний.

Да и самому надо было голову проветрить и понять, что вообще произошло.

Думалось мне лучше всего после ударной дозы кофеина, так что я быстро сварганил себе кружку крепкого черного кофе и вышел вместе с ней на улицу.

После пары глотков и правда мозги прочистились. Так что я уселся на крыльцо и глубоко задумался о том, что мы имеем в данной ситуации.

Понятно было, что Настя — вдова Владимира Ларионцева, и это благодаря ее усилиям всплыла правда об ошибочном опознании тела моего брата.

Понятно было и то, что маме она обо всем успела рассказать.

А вот ее реакция на меня была более чем странной. Судя по тому, что Настя меня звала Володей да еще и целовать бросилась так страстно, она приняла меня за своего мертвого мужа.

И это наводило меня на очень невеселые мысли. Скорее всего, девушка помутилась рас-судком от горя.

Что и немудрено, два года искать любимого, на что-то надеяться, а потом узнать, что его похоронили под чужим именем. Даже мужик здоровый мог тронуться крышей, что уж о хрупкой женщине говорить.

И мне было ее очень жаль. Настя была невероятно красивой, а еще очень хорошей и, по-видимому, любящей женой.

Нелюбящие жены тел так долго не ищут. Забирают посмертные выплаты и поминай как звали.

А Настя искала до талого. Что, видимо, и сказалось на ее ментальном здоровье.

И было что-то неправильное и донельзя болезненное в том, что Ларионцева меня заце-пила.

Я, конечно, вниманием женским не был обделен никогда, но целовать каждую встречную бы не стал. Это был нонсенс.

Вон, кузина Стаса сколько мне на шею вешалась, но я ее лишь грубо отстранял и просил больше так не делать.

А Миланку из магазина даже уволить пришлось, после того как обнаружил ее в нижнем белье у себя в кабинете.

Ох, как она рыдала тогда, даже на колени пыталась встать, чтобы не терять место, но я был непреклонен. У меня магазин автозапчастей, а не бордель. И сотрудникам, которые этого не понимают, в нем делать нечего.

А Настя, черт побери... От нее меня в момент повело. Она меня поцеловала, и я отклик-нулся на эти поцелуи. Так откликнулся, что даже про мать забыл.

И мне, вашу мать, понравилось, целовать ее. И более того, хотелось зайти дальше, под-хватить на руки, отнести в спальню и любить целые сутки напролет.

И объяснить такую реакцию своего тела я не мог. У меня были красивые женщины, но ни от одной так сильно не штырило.

Даже от Маринки в наши лучшие годы. Хотя мне тогда казалось, что люблю до безумия.

Черт его знает, чем меня зацепила вдова Ларионцева. Может, на фоне стресса так корот-нуло.

А может, всему виной долгое воздержание. После развода с Маринкой у меня не было постоянных отношений, всю душу эта дрянь мне вымотала.

А после смерти брата и вовсе не до баб стало. Тут бы мать поддержать да самому выдю-жить.

И вот на пороге дома появилась Настя, и на меня как затмение нашло...

Только если меня коротнуло по-настоящему, то Настя видела во мне другого мужчину. И это осознавать было неприятно.

Уж не знаю, чем я ей Владимира напомнил: ростом, цветом волос, фигурой... Если созна-ние помутнено, этого вполне достаточно для того, чтобы сработал триггер.

Отсюда и обморок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.